

Виталий Владимирович фон Ланге Преступный мир

I

Масса всевозможных преступлений совершается ежедневно у нас в России, в особенности в г. Одессе, куда съезжаются преступники чуть ли не со всего света. Из всех преступлений более всего изобилуют кражи, грабежи и мошенничества. Преступники многих пострадавших, добывавших трудовую копейку «потом и кровью», доводят до нищеты, отнимая и похищая все необходимое для жизни, и нередко даже некоторых из них делают, благодаря критическому и безвыходному положению их, самими преступниками. Долголетняя моя служебная деятельность, а также любовь и привязанность к делу сыска, дала мне возможность всесторонне познакомиться с многими преступниками разных категорий и изучить как характер преступников, так равно совершаемые ими преступления, а также некоторые приемы, употребляемые ими при совершении известного рода преступного деяния (почти каждая специальность преступления совершается при

известных условиях или приемах); и прежде, чем описать случаи тех массовых задержаний преступников и обнаружения мною похищенных и ограбленных вещей и вообще добытых преступлениями, я считаю долгом познакомить своих читателей с тою категорию преступников, которая оперирует у нас в России в особенности в больших, ведущих обширную торговлю, городах. Преступники эти или разъезжают по городам «на гастролы», или живут оседло в своем городе, совершая безнаказанно преступления.

Первые, т. е. гастролеры, опаснее последних, ибо, явившись неожиданно в какой-либо город, совершат известное преступление и тотчас уезжают обратно, увозя с собою все добытое преступлением; местная полиция, не зная о посетивших их город неизвестных гастролерах, вводится в заблуждение: производя розыск, арестовывает по подозрению уже известных ей порочных лиц, предъявляет их потерпевшим и свидетелям и, как неопознанных и не уличенных в совершенном преступлении, освобождает из-под стражи, подвергая себя иногда ответственности за неправильное лишение свободы и превышение власти. Кроме того, полиция производит в квартирах известных своим прошлым лиц обыски, выимки и розыски и, конечно, безрезультатно. Гастролер же, возвратившись в свой город, сбывает все привезенное уже заранее

предупрежденным и ожидающим их лицам, занимающимся покупкой и сбытом краденных вещей. Единственное счастье потерпевшего, когда полиция задержит гастролера с поличным где-либо на вокзале, пароходе или на улице, а иногда и в квартире покупателя краденного; когда полиция, производя розыск похищенных в своем городе вещей, случайно натолкнется на такие предметы, которые покажутся полицейскому чиновнику подозрительными и отберет их, в ожидании явки потерпевшего или сообщения из других городов. Каждая специальность преступника называется известным воровским термином, а также инструменты, служащие для совершения взломов и вообще преступлений, носят отдельные воровские названия, которые я укажу при описании некоторых фактов задержания преступников.

Неуспех розысков преступников и всего того, что ими совершается, объясняются следующими причинами: 1) а) малочисленностью состава сыскного отделения; б) малоопытностью агентов этого отделения и в) средств, отпускаемых на розыски, на содержание сыскного отделения и скудное жалование агентов;

2) недостаток таких полицейских чинов (в местностях, где не имеется сыскного отделения), которые относились бы к делу сыска и к известному совершенному преступлению с

особенным вниманием, энергией и уверенностью в раскрытии преступления, а главное, недостаток таких чинов полиции, которые знали бы в своем городе всех лиц порочного поведения: покупателей краденого, укрывателей и мест, где собираются подозрительные лица.

Весьма неудивительно, что полиция мало обращает внимания на совершенные преступления, относясь к этому отчасти индифферентно; я говорю о тех местностях, где отсутствует сыскное отделение, ибо она занята исключительно своим прямым делом: всевозможными розысканиями, канцелярщиной, нарядами, дневными и ночными дежурствами и вообще наружной частью по отношению благочиния и спокойствия в городе. Эта часть служебной обязанности не дает возможности чинам наружной полиции заниматься розысками, составляющими косвенную часть служебной деятельности. В тех городах, где функционирует сыскное отделение, агентов отвлекают от специальных обязанностей, заставляя их быть в помощи наружной полиции, тогда как последняя должна оказывать полное содействие сыскному отделению и помогать им в розыске, или ставят их в секретные наблюдения и охрану каких-либо учреждений. Вот почему розыски преступников преимущественно безрезультатны.

Успех розыска всецело в зависимости от

опытности сыскного агента, который должен отличаться следующими качествами: быть честным, находчивым и быстро-сообразительным — это главные черты агента; быть смелым, предусмотрительным; внимательно следить за каждым движением лиц, в особенности при производстве обыска или личного осмотра; детально вникать в мельчайшую подробность происшествия; прислушиваться к суждениям публики, быть обсудительным и строгим критиком; своих впечатлений не высказывать другим, а если высказать, то в сжатой форме; чужие соображения, если они сообразны с обстоятельством дела, принять к сведению. Зоркость, проницательность, а в некоторых случаях притворство ничего не знающего и малопонимающего человека, дают возможность иногда раскрыть важные преступления. Необходимо, по возможности, скрывать свое служебное положение.

Агент не должен бояться смерти или угроз, а идти на розыск с убеждением, что его другие боятся, и в полной уверенности в успехе. Стараться узнать в лицо всех лиц порочного поведения (фамилию и уличную кличку); не мешает узнать фамилию и жительство сожительниц, как настоящих, так и прежних; последние, будучи в разладе и зная грешки своих обожателей, смогут дать ценный материал в изобличении в

преступлении. Агент с хорошей памятью много выигрывает в деле сыска. Нужно знать специальность каждого преступника: карманщик, вор квартирный, магазинный, шантажист или мошенник и т. п. Необходимо знать сборище подозрительных лиц — «притоны», их укрывателей — «малину», покупателей краденого — «блатыкайна», а главное, секретные места покупателей — «хавира»; не лишнее знать взаимные отношения преступников, т. е. кто с кем дружит и совместно квартирует. Не только интересно знать преступников-исполнителей, но необходимо знать и их помощников, напр., недостаточно знать одного карманщика-исполнителя («моровихер, ширманщик»), а нужно знать его помощника-«тирщика», т. е. того, который перед совершением кражи сдает или толкнет намеченную жертву или собою заслонит исполнителя, приняв иногда от него похищенное. В железнодорожных кражах исполнитель едет в I кл., а его помощник во II кл., и вообще исполнитель едет в вагоне классом старше, чем едет его помощник. О железнодорожных ворах я буду говорить дальше, дабы познакомить читателей, в особенности таких, которые часто разъезжают поездами, пароходами по делам службы или с коммерческой целью, либо в каких-нибудь других

случаях, с теми случаями и приемами воров, какие они употребляют со своими жертвами по пути следования пассажира и этим поставить читателей в известность быть предупредительными и предусмотрительными. Заканчивая главу об агентах сысского отделения, должен сказать, что наибольшую пользу в деле розыска могут оказать те же самые преступники, которые окажутся на стороне агентов и которые, вращаясь в кругу своих товарищей, узнают от них о совершенных ими преступлениях и сбыте похищенного, сообщают сведения агентам сысского отделения, а эти последние, следуя указаниям шпионов, часто успешно разыскивают преступников и все добытое ими. Таких агентов нужно тщательно скрывать; при встрече на улице показать, что они совершенно не знакомы агенту и, в случае нахождения его в компании преступников, нужно арестовать и его совместно с другими. В участке, в камерах для арестованных, такой вор-шпион также может оказать услугу, ибо преступники, не стесняясь своих товарищей, открыто рассказывают о совершенном ими преступлении, говоря, как проникли в помещение; при этом товарищи критикуют действия их, высказывая свои впечатления, указывая на неправильность исполнения преступления. Бывали такие случаи, что арестованные при участке ранее узнавали о

совершенном преступлении, чем полиция.

II

К категориям преступников относятся: убийцы, разбойники, грабители, воры, мошенники, фальшивомонетчики, подделыватели фальшивых паспортов и печатей, тайные винокуры и разные другие.

Я не стану говорить об убийствах, совершенных на почве ревности, в запальчивости, в раздражении или вследствие полученного оскорбления или мести, а опишу несколько случаев убийств, совершенных разбойниками или профессиональными ворами-грабителями с целью ограбления и похищения имущества и денег. Опишу некоторые случаи убийств в г. Одессе, где я, прослужив в полиции около 15 лет, лично задерживал убийц и обнаруживал преступления.

На Хуторской улице проживал в небольшом одноэтажном домике старик-птичник Сеницын, слывший за денежного человека и скрягу. Жил он особняком, одиноко, занимая квартиру из одной комнаты с кухней. Целые дни он проводил на базаре в птичьем ряду, где имел свою будку; являлся домой поздно вечером. В марте месяце днем в квартиру Сеницына проникли воры, совершив кражу вещей на незначительную сумму,

приблизительно рублей на 30. Воры искали денег, ибо посрывали с икон ризы, не представляющие собою ценности, как металлические, но денег не нашли. Старик всегда деньги носил при себе.

В ту же самую ночь было совершено убийство Сеницына, причем покойный был задушен ремневой петлею, а в виске его зияла глубокая рана, нанесенная, очевидно, молотком, тут же валявшимся. Сообщили мне об убийстве старика около 9 час. утра. Отправившись к месту происшествия, я застал там уже все власти с прокурором суда во главе. Осмотрев труп и все помещение покойного и, сняв с шеи Сеницына ремень, взял таковой себе с целью выяснить принадлежность его; присутствующая здесь внучка убитого сообщила мне сведения об ограбленных у ее деда вещах. Во дворе здесь же я в числе публики заметил известного рецидивиста Ткаченко, прозываемого по-уличному Петьюкою Голдышом. Местный пристав, подойдя к нему, что-то беседовал с ним и в конце разговора вручил ему трехрублевую кредитку. Всмотревшись пристально издали в Голдыша, у меня явилась мысль — не он ли участник этого преступления и не явился ли он сюда, дабы смыть с себя всякое подозрение. Инстинкт меня весьма редко обманывал и я, следя за выражением глаз Голдыша, почему-то был убежден, что Голдыш есть убийца Сеницына.

Подойдя к приставу, я высказал свое впечатление о Голдыше, но пристав, посчитав это за шутку, просил не задерживать Голдыша, говоря, что он обещал разузнать действительных виновников этого преступления.

Я все-таки подозвал к себе Голдыша и, отойдя с ним в сторону, в шуточной форме спросил его:

«Скажи, Петька! чья эта работа, чего ты сюда пришел? не ты ли покончил со стариком?» Устремившись глазами в Голдыша, я старался уследить всякое движение нерва на его лице, на котором прочел многое; я был глубоко убежден, что это дело — его рук. Голдыш слегка улыбнулся, улыбка была неестественная, напряженная.

«Разве Вы, В-Б-дие, не знаете мою специальность: замок взломать, шапку с головы содрать, пьяного обшарить — это мое дело; в своей жизни курицы не зарезал, а то бедного старика, да при том знакомого, лишить жизни. Нет, ошибаетесь! я приставу обещал поразнюхать и наверное разыщу убийц», возразил Голдыш.

На этом мой разговор с Голдышем и окончился; пристав жестом указал мне отпустить его. Приехав домой, я стал обдумывать это происшествие и у меня так и запечатлелись черты лица, игра глаз, судорожность губ и лица и вообще настроение духа Голдыша, что я положительно пришел к неизменному убеждению: убийца

Синицына — есть не кто иной, как Голдыш, и крайне сожалел, почему я, с места в карьер, не арестовал его.

Мысли мои были рассеяны телефонным звонком. Вызвал меня полицеймейстер Б., прося, во что бы ни стало, открыть это возмутительное преступление, говоря, что он даже дал слово прокурору, что преступление будет открыто мною. Я долго был в нерешительности, боясь дать слово полицеймейстеру, но, вспомнив свои впечатления о Голдыше, сказал: «Хорошо! прошу только в продолжении трех суток не беспокоить меня и забыть обо мне».

Рассуждая о том, кто мог бы купить ограбленные вещи и зная, что на Южной ул. проживает одна «блатыкайна» Двойра Бройд, которая, покупая от воров похищенное, не расспрашивает похитителей, при каких обстоятельствах совершена кража, решил установить за квартиру Бройд негласное наблюдение, для чего в тот же вечер, переодевшись женщиной (одел на себя длинную юбку, кофту и большой головной платок, коим закрыл себе усы) и, взяв с собою переодетого вновь поступившего городского, еще неизвестного публике за милиционера, отправился следить за квартирою Бройд. Ночь была темная и освещалась улица фонарями. Заняв место против дома, где жила

Бройд, я усмотрел в нескольких шагах от меня двух знакомых воров, вышедших на улицу из ресторана, помещавшегося рядом с тем домом, возле которого я сидел. Один из этих воров, обращаясь к своему товарищу, сказал:

«А правда, Гришка, молодец я, что не послушал Петьку Голдыша и не пошел с ним вчера на работу?» «Чем же молодец, да почему ты отказался? Я у Петьки сегодня видел массу денег, должно быть, более двухсот рублей и, когда я спросил, откуда он достал их, то Петька не пожелал ответить, а дал мне пятерку».

«Разве ты не знаешь, как достались Петьке деньги? Вся полиция на ногах, а ты залил себе глаза вином; смотри, кабы и тебя сегодня не схватили на ночлег в участок».

«В чем дело? Говори, я ничего не знаю. Получив сегодня утром от Петьки 5 руб., я пошел пьянствовать и целый день пью, пока не встретился с тобою», возразил Гришка.

«Ведь Петька Голдыш ухлопал вчера старика-птичника на Хуторской ул.»

«Теперь я понял, откуда у Петьки оказалось так много денег, что не пожалел и меня наделить кредиткою; кто же был с Петькою на работе?»

«Кто! помнишь, мы сегодня на привозе у Гершки встретили Кузьку Добрянского, одетого во все новое, он любит трубку сосать, так это один;

затем был с ними Ванька Нос и Ванька Халомидник-рябой».

«Откуда же ты знаешь, что с Петьюкою участвовали эти лица? Ванька Нос и Халомидник не способны на убийство, их дело: свиты и тулупы таскать с возов на толчке», сказал Гришка.

«Когда Петька приглашал меня идти с ним «на дело», то он говорил мне, кто уже согласился участвовать с ним; но были ли они или нет, я не знаю; Кузька, должно быть, был, а то приоделся, да деньжатами обзавелся».

Обоих воришек я тотчас арестовал и в участке оформил весь разговор на Южной ул. протоколом.

На следующий день вечером, переодевшись чернорабочим, отправился я на привоз в ресторан Гершки, где в числе многих посетителей заметил человека, держащего в зубах трубку и одетого в новую одежду. Я задержал его в полной уверенности, что это Добрянский, хотя никогда я лично его не встречал и совершенно не знал. При обыске у задержанного оказалось около 39 рублей.

«Ну, Кузька, расскажи-ка мне, как это ты с Голдышем и другими убили старика-птичника», спросил я Добрянского.

«Откуда вы знаете, что меня зовут Кузькою и даже называете мою фамилию? ведь вы видите меня в первый раз, я никогда вами не задерживался».

«Знаю тебя, Добрянский, со слов Петьки Голдыша, сознавшегося в убийстве и указавшего на тебя, как на участника этого преступления, заявляя, что ты даже задушил старика собственным своим ремнем, вот этим самым, который у меня в руках».

«Врет Голдыш! ремень не мой, а его; Петька пригласил меня и товарищей на кражу, но не на убийство. Когда мы вошли в квартиру старика, то Петька, не говоря нам ни слова, молотком ударил старика по голове и вслед за этим, сняв с себя ремень, затянул им шею старика», показал Добрянский.

«Кто же участвовал в этом убийстве и как были распределены роли при совершении этого преступления?»

«Повторяю вам, что мы шли на кражу, а не на убийство. Когда Голдыш убил старика, то Ванька Халомидник играл в это время на гармонике, я стоял на цинке (на стороже) и не входил в квартиру, Ванька Нос держал старику руки, а Петька душил ремнем. Петька говорил, что старик любил по вечерам играть на гармонике и играли, чтобы не слышно было бы стопа, ибо по соседству была жилия квартира».

Закончив допрос Добрянского, я по телефону сообщил участковому приставу о задержании убийцы, повинившегося в преступлении, причем просил задержать Голдыша, зная в то же время, что

тот скрылся в день обнаружения убийства. В тот же день мною было установлено негласное наблюдение за квартирою Голдыша, где проживала его сожительница Екатерина Макарова. Агент, следовавший за Макаровой, доложил мне, что она ходила на почту и спрашивала на свое имя письмо до востребования, которого в то время еще не было. Перехватив письмо Макаровой, я узнал, что Голдыш проживает в г. Аккермане у своего дядьки. По телеграфу было сообщено местной полиции о задержании его. На другой день после задержания Добрянского, мне удалось арестовать и Ваньку Носа (Шевченко), разгулявшего <ся> в одном из трактиров. Шевченко сознался в убийстве Синицына, заявив, что у покойного оказалось за пазухою 300 руб. и они поделились по 75 руб. на человека, хотя, как он узнал от товарищей, Голдыш их надул, ибо у него видели более двухсот рублей денег.

Немало труда составляло задержать Ваньку рябого-Халомидника, которого я не знал в лицо и который никогда не попадался ко мне. Разыскав одного воришку, знавшего Халомидника, я сумел сманить его на свою сторону всевозможными обещаниями, предварительно купив ему костюм за 6 р. 50 к. и подарив свои старые сапоги. Воришка этот сообщил мне, что Халомидник ночевал в ночлежном приюте в карантине и спал в том месте,

где ложатся рабочие-угольщики, почему я просил указать его. Получив согласие и, переодевшись в костюм грязного чернорабочего, загримировавшись, я намазал черным зубным порошком себе лицо, шею и руки, дабы быть похожим на рабочего-угольщика и, взяв с собою револьвер, отправился в карантин на ночлег; это было приблизительно около 11 часов вечера.

Придя в приют в сопровождении указчика-вора, мы улеглись на грязные матрацы в том самом месте, где прошлую ночь провел Халомидник. Настроение духа было убийственное, насекомые в громадном количестве не замедлили нанести мне визит и посетить мою голову и тело. Недоверие к соседу возрастало. А вдруг приятель мой изменил мне и предупредил своих товарищей в приюте, сообщив, кто я? Конец будет, уложат на месте и концы в воду.

Нервы страшно расшатались, мурашки по телу пробегали в помощь грызущим меня насекомым; я невольно положил руку в карман, взяв револьвер за рукоятку, и прислушивался к каждому шороху; часы пробили 2 часа, слышу стук сапог и чей-то разговор. Сосед мой, приподняв голову, присматривается к идущему к нам человеку и, незаметно толкая меня, говорит: «Он». Дав возможность Халомиднику улечься на матрац и услышав храп его, последовавший через несколько

минут, я осторожно встал с своего места и вышел с указчиком на улицу. Подозвав постового городского и войдя обратно в приют, арестовал Халомидника, доставив его в участок.

«Счастье ваше, что вы захватили меня сегодня, а то завтра я собирался оставить Одессу навсегда. Задержал меня фальшивый паспорт, который должен быть готов только завтра. Знаю, что вы арестовали меня за убийство. Когда был задержан Кузька, то я знал, что он выдаст своих сообщников, сознаюсь и я в убийстве Синицына, но только скажите мне, кто вам сообщил, что я ночую в этом приюте и за сколько вы купили мою голову; пусть мои товарищи отблагодарят шпиону».

Конечно, я Халомиднику не дал никакого ответа, зная, что моего указчика убили бы товарищи, а между тем, он пригодится мне и в других случаях. После задержания Халомидника пришлось три дня подряд побывать в бане, дабы избавиться от той грязи и насекомых, которые не оставили меня в приюте.

III

Не лишенным интереса был другой случай поимки мною шайки разбойников, совершивших убийство двух старух, Криворотовой и Кругловой, с целью грабежа.

Старухи эти проживали в собственном доме на Балковской ул., живя в отдельном флигеле; обе они были до чрезвычайности скупы, отказывали себе даже в прислуге, нанимая изредка человека-соседа для услуг по дому и квартире. Желая сделать небольшую пристройку, Криворотова заложила свой дом в гор. кредит. обществе за 3500 р., каковые деньги должна была получить в день ее убийства. Деньги в банке не получила за поздней ее явкой. О том, что Криворотова должна получить деньги, узнали откуда-то соседи, которые в ту же ночь убили обеих старух. Узнав об убийстве их, я отправился на место происшествия, где уже застал участкового судебного следователя. Придя во двор, я обратил внимание на задушенную цепную собаку, служившую единственным охранителем старух. Трупы обеих старух с разбитыми до мозгов головами лежали на разных кроватях. На полу валялись разные бумажки, рецепты, квитанции и, между прочим, я заметил ассигновку на получение 3500 рублей из кредитного общества. Вещи, как не представляющие ценности, почти не похищены; взяты только самовар и две медных кастрюли. Обе жертвы убиты топором, оставленным на месте преступления. В чулке Криворотовой я обнаружил 40 руб. кредитками, очевидно, не замеченные преступниками. Данных к изобличению кого-либо в

преступлении не было, к покойным никто в квартиру не заходил.

Рассуждая об этом преступлении, я пришел к заключению, что убийство совершено: во 1-х, такими лицами, которые знали расположение комнат и бывали в квартире убитых; во 2-х, что, несомненно, убийцы близкие соседи, именно такие, которых знала цепная собака и на которых она не могла лаять. Задушена же она потому, что в числе убийц были и чужие люди, незнакомые во дворе Криворотовой; и наконец 3-е, что убийство совершено знакомыми покойным людьми, ибо убивать их не было никакого основания, так как они были беззащитны, а убили их потому, что Криворотова знала их в лицо, а этим могла бы выдать преступников.

Не теряя времени, я зашел в ближайшую к случаю бакалейную лавку, содержимую еврейкой, и стал расспрашивать ее, не знает ли она в этом районе какого-нибудь притона — «трущобы» и нет ли вблизи ее квартир с подозрительными лицами. Я заметил, что еврейка стеснялась высказать что-либо и на лице ее видна была какая-то боязнь или даже страх, почему я предложил ей зайти в квартиру, куда последовал и я. Здесь она дала весьма ценные сведения, которыми я не замедлил воспользоваться.

«По соседству с Криворотовой есть домик-хатка, принадлежащий Погуляевой, муж

которой сослан в Сибирь за разбой, сын ее Ванька — отчаяннейший вор и грабитель. Сзади Погуляевой живет товарищ Ваньки, прозываемый Колька Косой — также грабитель», заявила мне еврейка.

В тот же самый вечер с пятью переодетыми городовыми я отправился к Погуляевой. Собака ее сильно лаяла на нас и не допускала к дверям. Один из городских тут же ее заколол. Дверь квартиры открыла дочь Погуляевой — Сашка, девица лет 20-и. В комнатах, несмотря на то, что было только около 10 час. вечера, было совершенно темно; я осветил своим электрическим фонарем, с которым всегда бывал на розысках и обысках. Ванька спал на полу, как убитый; надо полагать, что пришел домой сильно пьяным. Будили мы его с четверть часа. Это молодой парень около 19 лет, побывавший уже три раза в тюрьме за кражи. Производя обыск, на чердаке я обнаружил небольшой старый самовар и две медные кастрюли. Вспомнив похищенное у Криворотовой, я был убежден, что эти вещи принадлежали убитым старухам и, значит, нить найдена.

Ваньку и Сашку Погуляевых я арестовал и они мне заявили, что найденные вещи, как старый хлам и принадлежащий им, были брошены на чердак, где пролежали несколько лет. Ванька Погуляев только сообщил мне, что изредка, по

предложению Криворотовой, приходил к покойной, которой услуживал как в квартире, так равно во дворе, приводя таковой в порядок, частенько даже кормил ее цепную собаку.

Беседуя с Сашкою Погуляевой, я пришел к заключению, что она может все выдать, но боится своего брата. Так как было еще не поздно, приблизительно около 11 час. вечера и, зная, что Погуляева любит выпить, я распорядился приказать принести ужин из ближайшего к участку ресторана и купить полбутылки водки. Во время ужина и после выпитой ей третьей рюмки водки, Погуляева вдруг прослезилась.

«Что с вами, чего вы плачете?» обратился я к ней.

«Как не плакать, единственный мой брат Ванюшка, и тот погиб; отца потеряла, когда мне было еще только 10 лет, мать глухая, а тут и брат попался и, кажется, безвозвратно», рыдая, говорила Погуляева.

Я ее успокаивал, обещая всеми силами выгородить его из этого несчастья, говоря, что он несовершеннолетний и наказание для него не так будет строго, как для других, которым более 21-го года; в то же время просил ее рассказать мне, кем принесены самовар и кастрюли и кто совершил убийство.

«Вчера Колька Косой принес самовар и

кастрюли; он просил их сохранить до вечера, я не соглашалась на это и даже выбранилась, но Ванька уговорил меня согласиться».

«Вы знали, что собираются убить старух Криворотову и Круглову и кем совершено это преступление?» спросил я Погуляеву.

«Нет, я не знала; слышала только, что Ванька говорил Косому, Чернозубу и Мишке Городилину, что старуха получает из банка крупные деньги и сегодня лишь узнала об убийстве ее. Ванька говорил, что собаку задушил «Косой». Я хотела сама идти к вам и заявить об убийстве <старух> моим братом, но мне пригрозили также убийством», ответила Погуляева.

«Какой это Чернозуб и Мишка Городилин?»

«Чернозуб — это уличное прозвище, его фамилия Алексеев, сожительница его Ольга Акимова содержится в тюрьме, где по средам Алексеев ее навещает; Городилина я видела у себя один раз, он работает в карантине «на сноске», там его все рабочие знают».

Просидел я в участке с Погуляевой до 2-х часов ночи и, окончив допрос, я ее немедленно освободил; сам же отправился к «Кольке Косому», которого и арестовал. «Косой» оказался мне знакомым вором, фамилия его Марченко, был уже лишенный всех прав состояний, судился за грабеж. Марченко сознался в участии убийства и заявил,

что задушил собаку он, так как она лаяла на них, ибо с ними были Чернозуб и Городилин, которых собака не знала. Убийство совершено только Погуляевым, которого знали покойные, убил он их топором, найденным в кухне. Погуляев пригласил их лишь на кражу денег, которые, по его словам, должна была получить Криворотова из банка на постройку дома; узнал <об этом> Погуляев из разговора старух в то время, когда в кухне он колот щепки для самовара.

Дождавшись среды, я поехал в женскую тюрьму, где ожидал прибытия «Чернозуба». Около 12 часов дня в тюрьму явился высокого роста мужчина, крепкого телосложения, он просил вызвать Акимову. Я тотчас задержал его. На мой вопрос, как его фамилия и где его паспорт, он с дерзостью ответил:

«Какое ваше дело, кто я и как моя фамилия! а вы кто такой?»

Получив такой ответ и видя нахальство со стороны задержанного, я, надев ему на руки кандалы, с двумя конвойными доставил в участок. Назвать своей настоящей фамилии Чернозуб не пожелал, сказав, что его зовут Алексеевым, не помнящий своего родства, но все-таки сознался в убийстве старух. Спустя несколько дней в карантине я разыскал и последнего обвиняемого, Городилина. Все подсудимые, повинившиеся в

преступлении, приговорены окр. судом по 18 лет каторжной работы, за исключением Погуляева, сосланного на поселение в Сибирь по несовершеннолетию.

IV

Убийства совершаются преступным элементом не только с целью ограбления имущества и денег, но совершаются с целью мести; в данном случае преступники убивают своих товарищей за то, что они перешли на сторону полиции; по их выражению, продают товарища за деньги, т. е. выдают совершенные ими преступления. Преступники за выдачу известного преступления приводят свой смертный приговор не только над товарищами, но даже над самыми близкими родственниками. Нижеследующий мой рассказ покажет, что сын способен убить своих родителей за то, что отец, имея сына, ведущего порочный образ жизни, выдал полиции преступника-сына, совершившего крупную кражу, благодаря чему сын присужден к арестантским ротам.

В Дюковском саду в полуразваленной землянке проживала престарелая чета, супруги Эрнест, занимавшиеся нищенством. У них был единственный сын Иоган, который с 14-тилетнего